

КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Исследование человеческого фактора в языке приобретает новый ракурс рассмотрения в связи с изучением картины мира, и в частности в связи с языковой картиной мира. Понятие картина мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Введение понятия картины мира в антропологическую лингвистику позволяет различать два вида влияния человека на язык – феномен первичной антропологизации языка (влияние психофизиологических и другого рода особенностей человека на конститутивные свойства языка) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык

различных картин мира человека – религиозно-мифологической, философской, научной, художественной).

Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт.

Язык – это явление социальное, культурное, он, будучи одним из основных признаков нации, выражает культуру народа, который на нем говорит, т.е. национальную культуру. Иначе говоря, в языке отражается культура той или иной части общества или общества в целом. Следует подчеркнуть, что неоднородность социальной структуры общества находит свое отражение в языке, особенно на лексико-семантическом уровне: определенные компоненты в структуре значения слова выражают социально-оценочное отношение к обозначаемому объекту, явлению действительности.

В лингвистике появление понятия языковой картины мира является симптомом возникновения гносеолингвистики как части лингвистики, развиваемой на антропологических началах. Понятие языковой картины мира позволяет глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового «отображения» действительности как сложного процесса интерпретации человека и мира.

Картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия, и адекватная его характеристика может быть дана лишь в общей теории человека.

Наиболее адекватным пониманием картины мира представляется определение ее как исходного глобального образа мира, лежащего в основе миропонимания человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека. Картина мира предстает при такой трактовке как субъективный образ объективной реальности и входит, следовательно, в класс идеального, которое не перестает быть образом реальности.

Исследование человеческого фактора в языке тесно связано с изучением языковой картины мира, в которой отражается влияние, во-первых, психофизиологических особенностей человека, и, во-вторых, всевозможных социальных аспектов (религиозно-мифологических, философских, научных, художественных, экономических, политических и др.). Причины различий конкретных языков, не только с формально-культурной стороны, но и семантической, пытаются найти и объяснить ученые, исследующие проблемы языка и мышления.

Помимо определения роли языка в формировании различных картин мира у человека, есть и другой ракурс его рассмотрения. Он заключается в том, каким язык предстает в глазах лингвистики, семиотики, философии, теологии, мифологии, фольклора, искусства, поэтики, обыденного сознания. Каждая из картин мира, которая в качестве отображаемого фрагмента мира представляет язык как особый феномен, задает свое видение языка и по-своему определяет принцип действия языка. Изучение и сопоставление различных видений языка через призмы разных картин мира может предложить лингвистике новые эвристические ходы для проникновения в природу языка и его познание.

Феномен, именуемый «картина мира», является таким же древним, как и сам человек. Создание первых картин мира у человека совпадает по времени с

процессом антропогенеза. Тем не менее, реалья, называемая термином «картина мира», стала предметом научно-философского рассмотрения лишь недавно. Понятие картины мира находится в настоящий момент в стадии своего формирования. Предпринимаются первые попытки построения его развернутого определения и раскрытия смысла: дискутируются вопросы о том, как разумно теоретически отграничить картину мира от близких феноменов, как категориально охарактеризовать и выявить свойства и формы ее существования.

О существовании в языке таких особенностей, которые должны быть признаны собственно языковыми, или внутриязыковыми, свидетельствует хотя бы тот хорошо известный факт, что значения слов в разных языках редко полностью совпадают, или тот факт, что одни и те же отрезки действительности неодинаково членятся в разных языках. Например, такое явление, как снег, у некоторых народов Севера имеет несколько номинаций, что диктуется жизненной необходимостью. Сравним также наличие множества номинаций ветра в языках народов, в жизни которых они играют исключительно важную роль. Таким образом, в разных языковых картинах мира можно найти как общее, инвариантное, так и своеобразное, национально-специфическое.

В «Словаре лингвистических терминов» мы находим классическое определение элементов, «проникших» из лексической системы одного языка в лексическую систему другого языка, т.е. интернациональных слов. Это «слова, заимствованные большинством языков мира из языка народа, который создал или ввел в общее употребление обозначаемые ими предметы» [1, с. 180]. Сам процесс контактирования языков, результатом которого является формирование целого пласта интернациональной лексики, можно назвать интернационализацией языка.

Явление выделения общего в языках в результате их контактирования на разных языковых уровнях интересовало ученых с древних времен. Современная лингвистика решает данный вопрос во взаимосвязи с изучением языковых универсалий, общих «глубинных» явлений, вопросов типологии языков, переводной эквивалентности и безэквивалентности и др. Очевидно, что небезынтересными являются межъязыковые соответствия, особенно для практических задач обучения языку, переводам, терминологической работы.

Начало описания интернациональных единиц лексики было положено еще в XIX веке. Интернациональная лексика в тот период рассматривалась как явление, характеризующее европейские языки и соотносящееся с таким понятием, как «европеизмы». Это слово отразило сущность европейского духовного развития, европейского мышления, которое распространялось прежде всего через французский язык, в частности в России.

В статье «Всеславянский словарь» А. Шлейхер развивал мысль о необходимости создания списка соответствующих слов всех славянских наречий. Такой всеславянский словарь дал бы возможность судить о составе и объеме общеславянского лексического фонда и о словарном своеобразии отдельных славянских языков. «При этом имеется в виду отнюдь не этимологический словарь славянских языков, а сокровищница их живого лексического инвентаря» [2, с. 26].

В 30-е годы XX века в работах известного советского лингвиста В.М. Жирмунского и австрийского инженера-терминолога Э. Вюстера вопрос об интернациональной лексике связывается с более широкой проблемой международной языковой общности.

Французская лингвистика в лице А.Мейе обратила внимание на исторический аспект проблемы, выяснение причины и пути возникновения сходных словесных знаков в европейских языках. Советская лингвистика, которая склады-

валась в період мовного будівництва, зацікавилася, в свою чергу, ідеологічними аспектами інтернаціоналізмів. Визначаючи своє ставлення до інтернаціональних слів і елементів, властивих російській і іншим мовам широкого міжнародного поширення, і вирішуючи – вводити чи ні їх до лексики, зокрема до термінології, знову створюваних літературних мов, радянські мовознавці керувалися «принципом найменших відхилень», подолавши в ряді випадків невелике опір пуристів. Соціальна сторона цієї проблеми, як вона склалася на початку 30-х років, переконливо представлено в роботах В.М. Жирмунського.

Незважаючи на відсутність чітких критеріїв, поняття мовних інтернаціоналізмів поступово увійшло до кола лінгвістических реальностей, хоча сутність явища залишалася недостатньо з'ясованою. Це породило спрощені стереотипи, перешкодило строго науковому і всебічному осмисленню цього явища. Так, з усієї складної і різноманітної сукупності інтернаціоналізмів в мовах помічалися і вважалися єдиними в своєму роді лише греко-латинізми, схожі до європейських мов за значенням і звучанням, отримавши відповідно найменування «європеїзми». Вважалося, що інших інтернаціоналізмів і не існує. Крім того, їм нерідко приписувалася надмірно збільшена роль, так як саме (чи тільки) в них бачили зародки майбутнього єдиної мови людства.

Сур'язним перешкодою в науковому вивченні інтернаціональної лексики і термінології були методологічні помилки: відкидалася специфіка інтернаціоналізмів, їх трактували просто як запозичення, механічно переносили з мови в мову; недооцінювалися внутрішні мовні зв'язки і стосунки; синхронічний міжмовний підхід замінявся історико-етимологічними міркуваннями; сутність інтернаціоналізмів намагалися зрозуміти, розглядаючи їх тільки в межах однієї чи кількох мов, тоді як вони проявляються тільки в площині міжмовних стосунків, в процесах взаємодії і контактування мов.

Сьогодні більшістю лінгвістів інтернаціональними визнаються лексеми, схожі до ступеня ідентичності, повністю чи частково загальною семантикою, виражають поняття міжнародного значення і використання. При цьому дані поняття повинні існувати в кількох (не менше ніж в трьох) мовах. Інтернаціональність же розуміється як достатньо визначена характеристика загальноупотребительних слів і слів спеціальної, термінологічної лексики. Мера і темпи інтернаціоналізації лексики взагалі і термінології зокрема відрізняються по окремих мовам і групах мов. Так, наприклад, в польській мові, за думкою ряду термінологів і мовознавців, інтернаціоналізація термінологічної лексики йде більш інтенсивно, ніж в угорській чи фінській, але менш помітна, ніж, наприклад, в голландській, яка дуже активно запозичує наукову термінологію, зокрема з англійської мови.

Процес мовного взаимообогащення, що відбувається на більш широкому фоні етнокультурного взаємодія народів, практично мав місце в усі періоди людської цивілізації. Правда, характер і особливості такого взаємодія в різні епохи в різних регіонах могли бути і були різними. Це в значній мірі залежить від ступеня демократичності режимів і політичної співвіднесеності положення контактуючих народів, а також від близькості vs. віддаленості самих мов. Таким чином, історія термінології – це проблема не тільки національно-історична, але й інтернаціональна, проблема історії світової науки.

Под интернационализмами нами понимаются морфемы, лексемы и фраземы сходного характера, которые регулярно отождествляются в синхронно существующих языках [3]. При этом следует подчеркнуть, что сходство форм интернационализмов распространяется не только на звучание и написание (в ряде языков эти признаки не совпадают), но также на мотивировку языковых элементов, ощущаемую носителями языка. Обращаясь к раскрытию сути понятия интернациональных слов, мы разделяем мнение В.В. Акуленко о том, что речь идет «об уточнении понятия, а не о замене термина» [3, с. 14]. Известны следующие наименования, называющие интернациональные лексические единицы: «интерлингвизм» (М.И. Палатов), «интероним» (Э.П. Сवादост), «аналогоним» (К. Хенгст), «регионализм» (М.М. Маковский), «интерлексема» (В.В. Дубичинский).

Возвращаясь к традиционному определению интернационализмов, предложенному в «Словаре лингвистических терминов», мы невольно приходим к мысли об односторонности понимания актуального для нас явления. Интернациональная лексика здесь отождествляется с заимствованиями, т.е. словами чужого языка, перенесенными из одного языка в другой в результате языковых контактов. Казалось бы, действительно, то, о чем говорилось, непосредственно относится к заимствованиям. Однако все же не следует смешивать эти два понятия, несмотря на их сходство.

Их методологическое различие состоит в том, что «интернационализмы» являются объективно существующей межъязыковой категорией синхронии со своими специфическими характеристиками, а «заимствования» – это вспомогательное построение исследователя, условная для синхронии группа фактов, вычленяемых на основе совершенно иных, диахронических критериев [3, с. 37].

Итак, уже только в этом одном утверждении заключено принципиальное отличие двух понятий. Заимствования – явление иноязычного происхождения, закрепившееся в системе заимствующего языка в силу определенных исторических причин и чаще всего обнаруживающееся с помощью этимологического анализа (например, греческие обозначения: *кедр, свекла, кит, крокодил, идол, канун, каторга, кровать, тетрадь, магнит, палата, парус, стих, хор*, заимствования из германских языков: *бук, изба, карп, князь, король, лук (растение), осел, пост, хмель, холст* и т.д.); заимствования, в отличие от интернационализмов, могут функционировать в одном (заимствующем) языке.

Процессы возникновения и развития в языке интернациональных элементов не сводятся только к заимствованию этим языком слов. Интернационализмы ближайшего распространения, т.е. свойственные близкородственным языкам, рождаются в ходе (а) дивергенции – распада языка-основы, (б) конвергенции – параллельного семантического развития и создания новообразований из родственного материала как с языковыми контактами, так и без них. Интернациональные слова, а через них и интернациональные морфемы (т.е. далее неделимые единицы, в которых есть план выражения и план содержания; в данном случае, по нашему мнению, – интернациональные корневые морфемы и аффиксы) широкого распространения, свойственные неродственным языкам, но не менее, чем трем, появляются в ходе фонетического заимствования, словообразовательного калькирования и полукалькирования; в результате заимствования слов данного языка другими языками; в ходе семантического калькирования, т.е. переноса семантических структур, и семантической контаминации (смешения); по аналогии с интернационализацией слов в родственном языке; в результате собственного словотворчества; на основе фонетических универсалий или близких результатов звукоподражания в разных языках и т.д.

Приведем некоторые примеры к названным процессам интернационализации: *авангард* – фр. *Avant-garde*, польск. *awangarda*; *авторитарный* – фр. *Autoritaire*, лат. *auctoritas*, польск. *autorytarny*; *комплекс* – фр. *complexe*, нем. *komplex*, польск. *kompleks* и т.д.

Следовательно, широкая интернационализация словарного состава различных языков, в том числе русского, не ограничивается единичным процессом фонетического заимствования слов, а также и не может быть вменена в рамки языковых контактов. Она является результатом наиболее универсальной группы процессов – конвергентного развития языков, а, учитывая неизбежную национальную специфику в развитии хотя бы некоторых особенностей интернационализмов, также и дивергентного развития во взаимодействии с развитием конвергентным.

Многие лексические единицы стали интернациональными в русском или каком-либо другом языке благодаря созданию их из традиционно интернациональных морфем, обычно греко-латинского происхождения. Определение интернационализмов, предложенное Д.Н. Шмелевым: «Слова, представленные в различных, причем не ближайше родственных, языках. Многие из таких слов восходят к древним языкам – древнегреческому и латинскому, будучи непосредственно заимствованными из последних или созданными позднее на основе греческих и латинских словообразовательных элементов» [4, с. 265].

Однако необходимо учесть, что новообразования на основе древнегреческого и латинского языков перестают быть принадлежностью какого-либо одного языка и процессы перехода из языка в язык уже нельзя считать процессами заимствования, хотя, конечно, в широком понимании на синхроническом уровне это явления все же одного порядка. Так, по мнению Ковалевского, «есть, большое количество интернационализмов, которые нельзя считать заимствованиями. Например, *Telephon*. В древнегреческом языке не существовало ни понятие, ни слово. Установить же, в каком языке слово было создано из греческих морфем, трудно, т.к. лингвистические признаки не проявляют специфики определенного живого языка».

О верности подобной идеи свидетельствует и происхождение самого слова «интернациональный». В.В. Акуленко [3] утверждает, что впервые употребил это слово для обозначения понятия международной Дж. Бентан в 1780 г., производя прилагательное *international* (англ.) на общедоступном для народов Европы латинском материале. В течение XIX века оно распространилось в европейских языках, а в XX веке проникло в развитые языки всех континентов в виде фонетического заимствования (русск. *интернациональный*, фр. *international*, исп. *internacional*, ит. *internazionale* и т.д.). В некоторых языках можно наблюдать наличие «абсолютных» синонимов (в семантическом плане, а не в сочетаемости) данного понятия: рус. *интернациональный* – *международный*, польск. *internacjonalny* – *międzynarodowy* и т.д.

Итак, интернациональная система обозначений понятий обладает большими потенциальными возможностями своего расширения за счет достаточного объемного запаса никогда не использованных в живых языках морфем, которыми располагают латинский и греческий языки. Это объясняется в некотором роде стремлением к осуществлению интернациональной стандартизации формы и содержания терминов, к их унификации.

И не зря поэтому создаются международные организации, призванные стандартизировать отдельные наименования в единых межъязыковых директивах, в границах общей теории терминологии. В начале XX века развитие европейской промышленности выдвинуло на первый план проблему создания специальных

технических словарей, одновременно была реализована идея национальной и международной стандартизации технической терминологии.

В 1926 г. была создана Международная Ассоциация стандартов (ISA). В 1946 г. ее преемницей стала Международная организация стандартизации (ISO), действующая и поныне. В 1931 г. была основана Венская терминологическая школа во главе с Э. Вюстером, сыгравшая затем важную роль в развитии международной стандартизации терминологии. В 1933 г. в Москве был организован Комитет технической терминологии АН СССР (КНТТ). Большую роль в работе Комитета в предвоенные годы сыграл Э. Дрезен, выпустивший в 1936 г. книгу «Интернационализация научно-технической терминологии (История, современное положение и перспективы)». В 40-е гг. в КНТТ плодотворно работал один из создателей российской терминологической школы Д.С. Лотте.

В 1938 г. были приняты резолюции Терминологического комитета ISA по подготовке специальных словарей, охватывающих ряд терминологических полей, о создании библиографии специальных словарей, о принципах номинации и создании международных правил наименования понятий, независимо от особенностей отдельных языков, о разработке международной технической (инженерной) терминологии и создании «Терминологического ключа».

В 1947 – 1951 гг. Австрийская ассоциация стандартов разрабатывает «Терминологический ключ», в который вошло 500 наиболее частотных терминоэлементов. Аналогичный терминологический ключ был составлен в 40-е годы в СССР проф. Н.В. Юшмановым и опубликован в 1968 г. (уже после смерти ученого) под ред. проф. А.А. Реформатского.

В Лейпцигском университете К.Вернер, профессор зоологии, опубликовал подробный и точный ключ к латинской терминологии биологических наук.

В Стокгольме в 1976 г. вышел «Словарь латинских морфем. С указанием на происхождение слов интернациональной лексики и на их строение» Б.Вальгрена. Этот словарь терминоэлементов построен на общенаучной лексике без указания на ее специализацию.

Выпущенный в Париже в 1980 г. словарь Анри Котте под названием «Структурный словарь научного языка. Терминоэлементы и модели терминообразования» построен на базе терминов естественных наук. Большая медицинская энциклопедия при академии медицинских наук СССР выпустила «Энциклопедический словарь медицинских терминов» в трех томах (1982 – 1984), в 3-й том которого включен «Словарь греко-латинских терминоэлементов» в медицинской терминологии.

Основные характеристики терминоэлементов в области медицины греко-латинского происхождения нашли отражение в докторской диссертации В.Ф.Новодрановой «Латинские основы медицинской терминологии» (1990).

Следует отметить, что Международная организация по стандартизации (ИСО) за последние двадцать лет детально разработала принципы терминологической и лексикографической работы. В постоянном комитете ИСО в настоящее время сотрудничают как страны, так и международные организации, включая ЮНЕСКО. По заданию ЮНЕСКО, в качестве эксперта этой организации, З. Стоберски разработал тему «Роль переводов в развитии мировой культуры» и выступил с докладом по этому вопросу еще в 1969 г.

Международный журнал «Неотерм», основателем которого является З. Стоберски, ставит своей задачей обеспечить терминологической информацией переводчиков и ученых-предметников, представляя им списки неологизмов по каждой отрасли. В своих работах ученый выдвигает масштабные постулаты: популяризация среди общественности разных стран принципов создания неологизмов в форме, приемлемой для заимствования другими языками, регистрация

национальных неологизмов в масштабах одного государства, централизованная регистрация или же обмен неологизмами между отдельными государствами и терминологическими центрами [5]. Эти идеи обсуждались на IV Конгрессе Международной Организации по унификации терминологических неологизмов «Распространение знаний во всем мире через терминологию» [6].

Практика интернационализации лексики может быть представлена следующим образом. С одной стороны, существует стремление к сохранению своеобразия того или иного языка, чему содействуют социально-политические причины, с другой стороны, происходит процесс сближения языков.

Каждый носитель языка в процессе коммуникации интуитивно может различить элементы, так сказать, инородные, принадлежащие иной языковой системе. Не имея специального лингвистического образования, говорящий, слушающий или читающий непременно сталкивается с естественным международным процессом, протекающим в языке какого-либо народа или нации, – процессом взаимодействия, соприкосновения языков. Данному процессу в наибольшей степени подвержен лексический уровень языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
2. **Виноградов В.В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.-Л., 1947.
3. **Акуленко В.В.** Интернациональные элементы в лексике и терминологии. – Харьков, 1980.
4. **Шмелев Д.Н.** Современный русский язык. Лексика. – М., 1977.
5. **Stoberski Z.** Międzynarodowa terminologia naukowa. – Warszawa, 1982.
6. 4-th Congress of JOUTN and 1-st Symposium of JFTB under the Motto: «Worldwide flow of knowledge through terminology» // Neoterm. – Warszawa, 1995. – № 27–28.

SUMMARY

Processes, which lead to internationalization of vocabulary and their reasons are examined in the article.